

А. С. МЫЛЬНИКОВ

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ В ПРАГЕ. 1716—1721 гг.

Петр I 16 декабря 1715 г. повелел русскому послу в Вене А. П. Веселовскому: «По получении сего старайся, дабы снискать тебе в нашу службу из шрейберов или из иных невысоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской из бемчан, из шленцов или из моравцов, которые знают по словенски, от всех коллегий, которые есть у цесаря (кроме духовных) по одному человеку... Також сыщите книгу юриспруденцию и как их сышешь, тогда надобно тебе съездить в Прагу и там в езуицких школах учителем говорить чтоб они помянутые книги перевели на словенский язык, а о том с ними договоритесь, почем они возьмут за работу от книги и о том нам пишите ж. И понеже некоторые речи их несходны с нашим словенским языком и для того можем к ним прислать русских несколько человек, которые знают по латыни и лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить». Письмо заканчивалось решительными словами, собственно-ручно добавленными Петром: «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно».¹

Декабрьское распоряжение Петра I неразрывно связано с общим курсом его славянской политики, одним из примечательных аспектов которой был устойчивый интерес к чешской культурной среде. Об этом свидетельствовали неоднократные попытки Петра I привлечь на русскую службу инженеров, медиков, военных, чиновников, актеров из числа иностранцев, знавших чешский язык, «бемчан».²

Нельзя не обратить внимания и на то, что в период разработки плана русской Академии наук Петр I предполагал пригласить в Петербург специалистов в области естественных и точных наук из Вены и Праги и просил русского посланника подыскать людей, владеющих чешским языком.³ Все эти факты прежде всего свидетельствовали о намерении Петра I использовать близость чешского и русского языков в целях более легкого, как ему каза-

¹ См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 231.

² См.: В. О. Ключевский. Сочинения в 8 томах, т. 4. М., 1958, стр. 169; А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений. X—XVIII вв., т. 2. Прага, 1947, стр. 428—438.

³ J. Vávra. K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzájemnosti v 18 a ná poč. 19. st. — Historický časopis, 1960, s. 238.

лось, общения иностранных специалистов с русскими. Возможно, этому во многом содействовали личные наблюдения царя, трижды, в 1698, 1711 и 1712 гг., посетившего Чехию и в последний приезд познакомившегося с выдающимся чешским живописцем Яном Купецким.⁴ Но не только это. Были и более глубокие причины, восходившие к многовековому наследию русско-чешских контактов, далеко не всегда интенсивных, но тем не менее непрерывно существовавших и даже активизировавшихся к концу XVII в.⁵ В русле их и стоял эпизод с направлением в Прагу русских переводчиков.

Впервые специально обратил на это внимание П. П. Пекарский, основывавшийся на «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова и на некоторых архивных документах.⁶ «Замечательно, — подчеркивал А. В. Флоровский, — что у Петра Великого проявилась несколько раз мысль воспользоваться сходством русских с западными славянами для осуществления своих замыслов касательно распространения в России просвещения и искусств».⁷ Позднее эти материалы неоднократно воспроизводились как русскими, так и зарубежными славистами.⁸ Все же, несмотря на более чем вековую традицию изучения, историко-культурная значимость пражской миссии необходимой оценки не получила. Более того, далеко не все источники, относящиеся к поездке русских людей в Прагу, введены в научный оборот. Даже А. В. Флоровский, давший наиболее полную их сводку, зачастую опирался не на подлинные документы из архива Синода, а на аннотации их в печатном описании.⁹ Все это побуждает нас еще раз взглянуть на давнюю и до конца не прочитанную страницу русско-чешских связей петровского времени.

* * *

В цитированном письме Петра I был, в сущности, уже сформулирован его план осуществить в Праге с помощью русских толмачей-посредников перевод иностранных книг на русский язык. Впрочем, как справедливо отметил А. В. Флоровский, на первых порах план был весьма конкретен и сводился к переводу лишь трех книг — лексиконов и «экстракта из юриспруденции».¹⁰ Спорна, однако, дата возникновения самого замысла.

Со ссылкой на шестой том «Деяний» И. И. Голикова П. П. Пекарский писал: «31 декабря 1715 г. царь писал к Ягужинскому, чтобы он уведомил его, кто был автором универсального лексикона, который он читал, дабы я, прибавляя Петр, мог отписать к Веселовскому, чтобы оных в Праге перевести, также экстракт из юриспруденции там же перевести».¹¹ Указание это

⁴ С. А м о г т. Car Petr I v Čechách. — Slovanský přehled, 1952, N 5, s. 172—174.

⁵ Примером может служить трактат чешского иезуита Иржи Давида «Современное состояние Великой России или Московии», см.: А. С. Мылъников. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII века. — Вопросы истории, 1968, № 1, стр. 124—125. Текст трактата в сокращении опубликован там же, № 1, 3, 4.

⁶ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 230.

⁷ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440—447.

⁸ Библиография их работ дана у А. В. Флоровского, что избавляет нас от необходимости более подробной ссылки. Особого внимания заслуживает краткая, но ценная по содержащимся сведениям заметка: С. А. Белокуров. О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славено-латинских школ. — ЧОИДР, 1896, кн. 3, стр. 34—35.

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода, т. 1—4. СПб., 1868—1880.

¹⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹¹ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 231.

было дано через две недели после того, как Петр направил свое послание в Вену к А. П. Веселовскому. Оба документа определенно свидетельствуют, что русский царь на исходе 1715 г. был серьезно занят идеей переводческой деятельности в Праге. Но нет никаких оснований полагать, что истоки ее не восходят к более раннему времени.

При чтении письма А. П. Веселовскому обращает на себя внимание прекрасная осведомленность царя в местных чешских обстоятельствах. Петр не только дает своему агенту вполне четкие указания, куда ехать, с кем и о чем договариваться. Фраза о прислании писцов «из бемчан, из шленцов (т. е. силезцев, — А. М.) или из моравцов» показывала, что Петр отчетливо представлял себе этнический и территориальный состав коронных Чешских земель, включавших тогда собственно Чехию, Моравию и Силезию. Не чувствуется ли во всем этом личная осведомленность царя, опыт, накопленный им от пражских встреч?

То, что в конце 1715 г. Петр I вспоминает о Праге, само по себе не столь уж удивительно. Как раз в эти годы, заполненные бурным государственным строительством, из России посылались ученики в Венецию, Флоренцию, Париж, Лондон, Амстердам и другие зарубежные центры.¹² В числе этих городов стояла и Прага. Здесь, однако, присутствовало то, чего не было и не могло быть во всех других случаях: соображения языковой близости русских и чехов как славян. На этой идее, в сущности, и зиждился весь план Петра I, как мы узнаем о нем из цитировавшегося повеления. Но если это так, то именно воспоминаниями о чешских путешествиях следует объяснить, почему у Петра I возникла мысль вступить в деловые отношения с пражскими иезуитами и, более того, послать в далекую Прагу группу русских людей для обучения и участия в переводах иноземных книг на русский язык. Лишь при этом декабрьское письмо А. П. Веселовскому оказывается мотивированным и с деловой и с психологической стороны.

Сформулировав свои указания в конце 1715 г., Петр I среди многочисленных государственных и военных забот находил время и имел желание уделять внимание переговорам с пражскими иезуитами. Он предписал 11 апреля 1716 г. президенту Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину подобрать для отправки в Прагу в качестве переводчиков «двух добрых латинников» и в помощь им двух-трех «добрых писцов подьячих». Первоначально предполагалось, что в Прагу будет послан кто-либо «из киевских чернцов», но уже 23 мая И. А. Мусин-Пушкин поручил Ф. П. Поликарпову подыскать кандидатов в Славяно-греко-латинской академии. Задача, видимо, оказалась не из простых, и лишь к осени состав группы был определен. В нее вошли переводчики префект Академии Феофил Кролик и Иван Воейков, а с ними драгун Василий Мамышев и ученик притики Максим Суворов. Эта четверка, по донесению Мусина-Пушкина, была в сентябре 1716 г. из Москвы отправлена «через Ригу до Праги».¹³ Несколько позднее к русской колонии присоединились и другие студенты.¹⁴

Русские переводчики были командированы в Прагу «для письма и перевода книг».¹⁵ На основании договоренности с А. П. Веселовским работу группы переводчиков согласился возглавить ректор Ян Либертин.¹⁶ «Дело перевода было организовано так: чешские сотрудники переводили с немецкого на чешский, а русский текст окончательно должны были обрабатывать русские сотрудники».¹⁷ Однако этот весьма сложный план скоро стал обнару-

¹² См.: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 4, стр. 237.

¹³ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ ЦГИА, ф. 736, оп. 1, № 318, л. 2.

¹⁶ Речь идет, вероятно, о звании, так как в действительности ректором Клементинума, по словам А. В. Флоровского, Ян Либертин не являлся, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹⁷ Там же, стр. 441.

живать свои слабые места. Уже 8 марта 1718 г. А. П. Веселовский доносил Петру I о своем посещении Праги и ознакомлении с ходом переводческих работ Ф. Кролика и И. Воейкова. «И объявили они мне при том, — продолжал он, — что чешский перевод с немецкого чинится напрасно, понеже Кролик применил уже так к немецкому языку, что сам с оного переводит без всякой трудности, не требуя чешского, а Воейков с чешского переводит и всего разуметь не может, чего ради переводят ему с немецкого на латинский язык».¹⁸ О вынужденном отказе от первоначальной организации работы сообщал и сам Ф. Кролик в отчете о своей деятельности в Праге 7 ноября 1721 г.:

«В прошлом 1716 году по имянному царского священнейшего величества собственноручному указу повелено графу Ивану Александровичу Мусину-Пушкину отправить в Богемию, а имянно в Прагу, двоих особ, довольно латинскому языку ученых, для перевода на российский язык неких книг, которые с немецкого языка на чешский имели быть переложены. И по силе того же его царского величества имянного указа отправлен в первых числах сентября оного 1716 году из московских славенолатинских школ я нижепоименованный, префект тогда во оных бывший. И по прибытии в Прагу усмотрел, что чешского переводу книг исправлять не возможно, разве вновь с чешского на славянский язык переводя, что мне яко лучше немецкий язык, нежели чешский умеющему не было удобно, того ради по желанию моему вручено мне четыре тома исторического универсального дикционара аутора Будея, из которых с помощью божией два тома я и перевел без посредственного с немецкого на российский язык. И через таковой непосредственный перевод уждаена есть знатная сумма, которая имела иждевена быть на неспособный мне чешский перевод. И ныне по указу его царского величества возвратился я в царствующий Санктпитебургх и прибыл сюда, яко о мне самом, так и о оном переводе моего деле требую от святейшего правительствующего Синода милостивого определения».¹⁹

Что касается репертуара переводившихся в Праге книг, то А. В. Флоровский называл один английский и три немецких энциклопедических словаря.²⁰

Кроме того, по данным некоторых чехословацких авторов, в числе переводившихся в Праге на русский язык книг были также «Видимый мир в картинках» и «Открытая дверь к языкам» Я. А. Коменского.²¹ К сожалению, эти весьма существенные для истории русско-чешских культурных связей сведения не подтверждаются документами Синода.

Нам удалось лишь установить, что среди книг, приобретенных М. Суворовым в бытность его в Праге, находилось нюрнбергское издание 1679 г. «Мира в картинках» Я. А. Коменского.²²

На основании сохранившихся документов видно, что Ф. Кролик действительно перевел на русский язык четырехтомный «исторический универсальный дикционар» И. Будея, незадолго перед тем изданный в Лейпциге («All-

¹⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234.

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 647, л. 1.

²⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 443—444. Под английским словарем скорее всего подразумевалась первая энциклопедия наук и ремесел на английском языке Д. Гарриса (1666—1719) «Lexicon Technicum or an Universal Dictionary of Arts and Sciences» (Лондон, 1704). Петр I был очень заинтересован в русском переводе этой ценной для своего времени книги. К сожалению, замысел Петра I не осуществился.

²¹ J. Jirasek. Rusko a my. T. I. Vyd. 2. Praha, 1946, s. 11; В. Чейхан и А. Магр. Прага—Москва. Тысячелетний календарь культурной связи. Прага, 1946, стр. 20.

²² ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 3.

gemeines historisches Lexicon». Т. 1—4. Leipzig, 1709).²³ Студент Славяно-греко-латинской академии И. Воейков начал переводить с немецкого же языка «Книгу вещественные состояния вedomостей и обходительства, лексикон автора Гибнера».²⁴ Ввиду смерти переводчика работа эта была продолжена в Праге М. Суворовым. В справке о нем было записано, что «1720 году с августа сам переводил лексикон Гибнеров с немецкого языка».²⁵ Видимо, он же переводил другой труд И. Гюбнера, названный в переписке Синода «Любопытные натуры художества, рудокопания и кулчества».²⁶

Нельзя не обратить внимания на весьма умелый отбор книг для перевода — И. Будей и в особенности И. Гюбнер принадлежали к авторам весьма распространенных справочных изданий, которые пользовались на книжном рынке большим спросом. Их труды тогда и позднее многократно переиздавались, причем некоторые лексиконы И. Гюбнера переводились и на другие языки (например, на французский). Принимаясь за перевод этих книг, русские переводчики, таким образом, открывали возможность приобщения русского читателя к зарубежным справочным изданиям. Так, «Staats und Zeitung Lexicon» привлек внимание В. Н. Татищева. Как видно из письма Н. Страленберга немецкому слависту И. Фришу 12 марта 1725 г., Татищев принялся составлять «примечания ко всем статьям о России». Сообщая об этом И. Фришу, Страленберг добавлял: «Татищев сам напишет об этих примечаниях Гибнеру, обещая их ему переслать. Если бы у меня было время, я списал бы для вас копию этих примечаний, так как в них очень много интересного, в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления».²⁷ К сожалению, эта работа В. Н. Татищева не сохранилась.

²³ П. П. Пекарский затруднялся указать, какой именно «Лексикон» переводился Ф. Кроликом, со ссылкой на Вебера сообщая, что пражские иезуиты переводили для Петра I лексикон И. Будей. См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234. Фактически словарь являлся переводом и частичной переделкой известного французского словаря Л. Морери (1643—1680) «Le grand dictionnaire historique...» в издании 1702 г. Будею принадлежало только предисловие к немецкому изданию, которым пользовались русские переводчики. Судя по материалам, об авторстве Морери они не знали. Любопытно, что в предисловии к базельскому изданию словаря Морери 1733 г. прямо сообщается следующее: «Говорят, что Будей жалел, что сделал предисловие, в котором было обещано больше, чем издание могло дать, и что он не стал бы так хвалить этот труд, если бы не влияние издателя, сильно преувеличившего достоинства перевода. Но если сей выдающийся ученый мог написать предисловие с чужих слов, то, может быть, он где-нибудь отметил, что хотя бы просмотрел текст и что все делалось у него на глазах. Здесь пустота, которую не могут, а может быть, и не хотят заполнить». Пользуясь случаем, приношу благодарность Ю. С. Перцовичу за сведения, до сих пор в нашей литературе не отмеченные.

²⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 2—3. Затруднительно установить при столь краткой и, в сущности, неопределенной передаче заглавия, о какой книге И. Гюбнера идет речь. Не исключено, что имелся в виду многократно перепечатывавшийся справочник «Staats und Zeitung Lexicon».

²⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 3. Имеется в виду книга И. Гюбнера «Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck und Handlung Lexicon», которая неоднократно переиздавалась в XVIII в. А. В. Флоровский, не имевший возможности видеть текст доношения, предполагал, что этот лексикон не был переведен, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

²⁷ См.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 8.

Горстка русских людей жила в Праге несколько лет вдали от родины. Жилось им всем трудно. Как видно из первого письма Ф. Кролика и И. Воейкова на имя А. П. Веселовского от 24 августа 1717 г., средства на содержание отпускались с большими перебоями, и они постоянно испытывали нехватку денег на еду, свет и жилье.²⁸

Заманчиво было бы попытаться выяснить, какие отношения сложились у них с окружающей средой, как и насколько вошли они в пражскую жизнь. «К глубочайшему сожалению, — писал в свое время А. В. Флоровский, — мы не имеем никаких данных о том, чем и как они жили, кроме переводов, с кем общались, как воспринимали новые европейские впечатления. Ни один из побывавших тогда в Праге не оставил литературных следов своей жизни в Чехии, не найдены еще и чешские документы об этом, хотя они могли бы дать немало разъяснений вопросов и по существу, и с бытовой стороны».²⁹ Несмотря на столь пессимистический вывод, даже то немногое, что было уже известно А. В. Флоровскому, а отчасти выявлено нами, дает возможность, хотя бы приблизительно, обрисовать положение русской колонии в Праге. Большой интерес с этой точки зрения представляет справка, найденная недавно в фонде «Иезуитика» Пражского Центрального государственного архива ЧССР.³⁰

Справка, написанная по-латыни, занимает немногим более двух страниц и по времени создания близка к описываемым в ней событиям. Она озаглавлена «Informatio de certis nationis ruthenica ad urbem Pragensem advenis atque subinde ad scholas Societatis Pragae in Vetere ac Nova Civitate admissis». Это пока что первый и ранее не использованный документ чешского происхождения относительно поездки русских переводчиков и студентов в Прагу по повелению Петра I. В этом, естественно, заключается главная ценность «Информации» как вновь выявленного исторического источника.

Как же рисуются в нем цели поездки и положение русских людей в Праге? В основных чертах здесь повторяется то, что известно нам по другим источникам: замысел перевода лексиконов И. Будея и И. Гюбнера с немецкого языка на русский через промежуточный чешский перевод, направление переводчиков, а затем и студентов для обучения в местном университете, материальные трудности, с которыми они столкнулись. Учитывая, что в «Информации» И. Воейков упоминается как здравствующий (он умер 6 августа 1720 г.), а о русских людях говорится как о еще пребывающих в Праге, можно предположить, что документ был составлен для нужд руководства ордена иезуитов или властей вскоре после прибытия русских переводчиков и студентов в Прагу, во всяком случае не позднее середины 1720 г.

Но значимость «Информации» не ограничивается только подтверждением уже известного, хотя и само по себе это существенно. Иезуитская справка вносит некоторые небезынтересные штрихи в картину пребывания петровских посланцев в Праге. Во-первых, в «Информации» точно названо имя пражского иезуита, взявшегося за промежуточный (чешский) перевод «Лексикона» Будея: Michael Franik de Frankenstein.³¹ Именно к нему первоначально и были прикреплены два русских переводчика и их два помощника. Кстати, «Информация» позволяет уточнить дату прибытия последних в Прагу: «apno

²⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233—234.

²⁹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 446.

³⁰ Státní ústřední archiv ČSSR, JS CL XXII/3, f. 44—45. (Далее сокращенно — SUA). Указанный документ был по нашей просьбе разыскан сотрудниками Архива Карлова университета при деятельном и благожелательном участии действительного члена Чехословацкой Академии наук проф. В. Ване-чека, которому автор приносит глубокую благодарность.

³¹ SUA, f. 44.

1717 in Festo SSS. Triumph Regum», т. е. 6 января. Далее, как видно из справки, в Прагу в ноябре 1717 г. прибыло не два, как считается обычно со времен П. П. Пекарского³² (В. Козловский и Ф. Анохин), а три студента для обучения в местном университете. Третьим был Иосиф Кречатовский.³³ Как здесь указано, первые двое будут обучаться в «логике», а последний — в «синтаксисе». По русским документам судьбы третьего студента проследить не удастся. В указанной справке содержится то, что особо важно видеть в источнике пражского происхождения, — оценка поведения русских людей на чужбине. Загруженные работой, лишенные постоянного денежного содержания, они продолжали честно выполнять свой долг, ведя себя с достоинством. Последнее не прошло мимо внимания составителя «Информации», указавшего, в частности, что русские студенты «... среди студентов жили без каких-либо скандалов». Так еще раз — теперь с чешской стороны — подтверждается, что никто из русской колонии не покинул своего поста, не был замечен в чем-то предосудительном, не изменил своим убеждениям и обычаям.

Примечательно (и это отмечал уже А. В. Флоровский), что старший в группе Ф. Кролик был каким-то образом уже ранее связан с австрийской средой, поскольку и решение о направлении его в Прагу «радостно принял, понеже издавна желал и искал разлучиться от Москвы и в Цесарии, ему любезной, быть».³⁴ При таких обстоятельствах он вряд ли мог не передать какой-то опыт, знания местных обычаев, культурной жизни своим менее осведомленным соотечественникам. Но если это только предположение, то просмотренные нами документы дают основание вполне определенно судить, что если не на всех, то, по крайней мере, на многих членов русской колонии пребывание в Праге оказало воздействие. Прежде всего это касалось учеников Славяно-греко-латинской академии Ф. Анохина и В. Козловского, посланных в Прагу для продолжения обучения в Пражском университете.³⁵ Один из них, В. Козловский, в 1721 г. докладывал в Синод:

«В прошлом 1717 г. был я нижеподписавшийся по его царского величества имянному указу послан с товарищи для либеральных наук в Прагу, где и прилежал повеленному учению (что явствует данное мне от езуитов свидетельство)».³⁶ По прохождении курса, в 1720 г., русские студенты вернулись домой. В деле по кабинетскому сообщению об определении на службу В. Козловского читаем: «В прошлом 1717 г. по указу его царского величества посланы были в Прагу латинской школы ученики Василей Козловский с прочими для окончания тех наук, и ныне он сюда приехал и послан в правительствующий Синод, которого чтоб повелено было освидетельствовать в его науке и потом определить к делу, к какому святейший Синод заблагорассудит».³⁷

Наибольшее влияние, пожалуй, Прага оказала на М. Суворова. Прибывший сюда в скромной должности писца, «ученик пиитики» не только взялся после кончины И. Воейкова за переводческие обязанности, но и воспользовался случаем для пополнения своего образования. В уже однажды упомянутой синодской справке о нем говорилось: «1716 году послан он был в Прагу для переписи переводов из школы пиитики, где слушал курс трилгней философии».³⁸ Иными словами, он окончил полный курс философского факультета Пражского университета. Делал он это по собственному почину, «за свою волю».

³² См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 238.

³³ SUA, f. 44 verso.

³⁴ А. Ф. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 442.

³⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 496, л. 2, 5.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

Хотя в области гуманитарного образования в Чехии тех десятилетий господствующее место принадлежало ордену иезуитов, а в университете царяла средневековая схоластика, посещение философского факультета не прошло для М. Суворова бесследно. О круге его интересов свидетельствовал состав книг, приобретенных им в бытность в Праге. Позднее уже в Петербурге, в 1724 г., он намеревался отдать эти книги в Синод, в связи с чем 30 сентября обратился с прошением, начинавшимся словами: «Имею я латинских, немецких и нечто французских разных форматов книг, считая по переплету 65, а по экземплярам . . . 100 книг, которых каталог при сем прошении прилагаю. И желаю, дабы вашего святейшества милосердное признание повелено было оные мои книги принять в синодальную библиотеку за самую в Праге (не считая провоза и мыта) данную за них цену за 50 рублей, а вместо моих книг за означенную пятидесятирублевую сумму повелено было мне выдать из типографии славенороссийскими книгами, какие мне потребны».³⁹

Приложенный к прошению каталог до сих пор не находился в поле зрения исследователей.⁴⁰ Между тем анализ его небезынтересен. Во-первых, он позволяет составить представление о широком круге интересов владельца собрания, поскольку здесь значились книги по математике, юриспруденции, философии, географии и педагогике, энциклопедические словари, изданные в таких центрах раннего Просвещения, как Лейден и Амстердам и в немецких городах Нюрнберге, Лейпциге, Магдебурге, Кельне. Во-вторых, каталог, составленный М. Суворовым, документально засвидетельствовал, какие книги можно было приобрести в Праге в 1720-е годы. Последнее важно для характеристики интеллектуальной жизни столицы Чешского королевства в десятилетия наивысшего разгула политики контрреформации.

Сложнее обстоит дело с вопросом об отношении русских людей к собственно чешской культурной среде. Как можно заключить из ряда доношений, русские переводчики до прибытия в Прагу чешским языком вообще не владели, были «неспособны» ему и стали свykаться с ним — одни быстрее, другие медленнее — лишь в процессе литературной работы. Трудно судить, насколько они при этом делали различие между чешской и немецкой городской средой, характерной для Праги XVIII в. Вопрос этот, однако, нельзя считать праздным, поскольку именно в годы пребывания русских переводчиков здесь происходило некоторое оживление чешского национально-культурного самосознания. Достаточно указать, что с 1719 г. видный издатель Карел Розенмюллер стал выпускать первую газету на чешском языке «Чешский почтальон». В газете этой часто и в благожелательном духе писалось о России, о ее внешней и внутренней политике и культуре.⁴¹ Проходило ли все это мимо внимания русских переводчиков? А быть может, они имели какое-либо отношение к источникам русской информации чешского издателя? К сожалению, на подобные вопросы пока ответить трудно.

Некоторый свет на проблему контактов русских с чехами проливает введенный недавно А. В. Флоровским в научный оборот новый важный документ теплившегося в Чехии начала XVIII в. славянского самосознания — обращение к императору 3 марта 1722 г. некоего Антонина Шимонка с просьбой разрешить выполнить чешский перевод и издать какое-то историческое сочинение, связанное с борьбой против турецкой агрессии. Как видно из обращения, Шимонек несколькими годами ранее принимал участие в работе русских переводчиков и переводил с немецкого на чешский язык для намечавшегося далее русского перевода какого-то исторического сочинения. По предположению А. В. Флоровского, речь скорее всего шла о лексиконах

³⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 1.

⁴⁰ Там же, № 463, л. 2—4.

⁴¹ Подробнее см.: А. С. Мыльников и Т. А. Мыльникова. Первая чешская газета о России. — Советское славяноведение, 1967, № 1, стр. 60—64.

Гюбнера или Будея. В таком случае Антонин Шимонек должен был сотрудничать с Ф. Кроликом, а может быть — с Воейковым или М. Суворовым. Не под влиянием ли разговоров с ними он усвоил те мысли, которые в 1722 г. излагал в обращении к Карлу VI: в интересах Австрии считаться с «великим народом», т. е. с Россией, и укреплять дружественные связи между Россией и Чешскими землями. Высокая оценка роли русского народа, которой придерживался А. Шимонек, австрийским властям не понравилась. Недовольство было столь значительным, что сотоварищу русских гостей пришлось в июле того же года оправдываться перед пражским наместничеством и доказывать свою лояльность!⁴²

Кроме того, у русских людей были и бытовые, повседневные соприкосновения с чешской национальной средой. Не свидетельствовал ли, например, о том брак М. Суворова с некоей чешкой по имени Анна Георгиевна (стало быть, ее отца звали Иржи), о принятии которой в православие М. Суворов просил Синод в 1724 г.⁴³

* * *

К 1721 г. все члены русской группы уже вернулись из Праги домой. Но едва ли не один Ф. Кролик какое-то время занимался продолжением литературной работы, завершая перевод двух последних томов лексикона И. Будея. Об этом свидетельствовало доношение Ф. Кролика в Синод с просьбой отпустить ему потребное количество бумаги: «Понеже святейший правительствующий Синод изволил мне нижепоименованному приказать два последние тома автора Будея с немецкого на российский язык переводить, того для о выдаче бумаги, на оной перевод святейший правительствующий Синод что соблагоизволил».⁴⁴ Вообще же «пражане» долгое время были вынуждены обивать пороги правительственных учреждений с просьбой об определении на какое-либо место. Так, по ходатайству М. Суворова «о приеме ... с привезенным из чешской Праги переводом и оригинальными книгами»⁴⁵ и на основании доношения штатс-контор-коллегии он был в 1721 г. определен справщиком и переводчиком Синодальной типографии.⁴⁶ Пробыл он в этой должности недолго и после 1724 г. уехал с семьей в Сербию как миссионер. Остальные «пражане» были устроены в качестве мелких правительственных чиновников.

Все, что они успели выполнить в Праге, было сдано на хранение в Синодальную типографию и, кажется, осталось без движения. Так, у М. Суворова привезенные из Праги материалы были приняты цейх-директором Синодальной типографии М. П. Аврамовым и по его распоряжению «оные выше-реченные книги, называющиеся лексикон и выше-реченные числом тетради переводу отданы для сохранения ... Андрею Евреиннову».⁴⁷ Судя, однако, по документам из архива Синода, часть переводов осталась на руках у переводчиков. Какова была дальнейшая судьба пражского литературного наследия? Не исключая возможности находок, А. В. Флоровский все же пессимистически предполагал: «К сожалению, рукописи переводов, выполненных русскими сотрудниками пражских иезуитов в их пражской „кляштере“, как выражался Петр Великий, не сохранилось».⁴⁸ Поскольку в архиве Синода нам

⁴² A. V. Florovský. Prameny k ruským dějinám doby Petra Velikého v českých archivech a sbírkách. — Sborník archivních prací, roč. 18, N 2, 1968, s. 536—537.

⁴³ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 463, л. 1 об.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 4, л. 1.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 467, л. 1.

⁴⁶ Там же, л. 2.

⁴⁷ Там же, № 318, л. 2 об., 3 об.

⁴⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

действительно не удалось обнаружить никаких следов рукописей, показалось целесообразным обратиться туда, куда их сдавали русские переводчики, — в ведомство Андрея Евреинова. И действительно, после некоторых поисков в фонде Синодальной типографии удалось обнаружить перевод, который на первый взгляд можно было бы отнести к числу выполненных в Праге — географический лексикон И. Гюбнера. Существуют две рукописи перевода: черновая, рабочая, и беловая, переписанная с первой и сохранившая следы редакционной правки красными чернилами. Черновая рукопись озаглавлена: «Краткия вопросы из старой и новой географии выбраны чрез Яна Гибнера. Напечатана помянутая книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711». ⁴⁹ Заглавие белого списка несколько исправлено: «Краткия вопросы из старья и новья географии выбраны чрез Яна Гибнера. А печатана подлинная книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711-го». ⁵⁰

Но является ли эта рукопись одним из итогов пражской миссии? В пользу такого предположения, казалось бы, говорят, во-первых, сам характер книги, аналогичной другим, над которыми работали русские переводчики, и, во-вторых, явно чешская калька передачи на русский язык имени Гюбнера — славянское Ян вместо немецкого Иоганн. Однако такому весьма заманчивому предположению противоречит ряд обстоятельств. Прежде всего, на первом листе черновой рукописи значится распоряжение: «К переводу 13 марта 1716 г.». Что бы ни означала эта дата, в марте 1716 г. русских людей в Праге попросту еще не было. С другой стороны, текстологический анализ обнаруженных нами рукописей показывает, что это рукопись книги, вышедшей в 1719 г. под заглавием: «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпциге напечатано. А ныне повелением великого государя царя и в. к. Петра Первого всероссийского императора при наследственном благороднейшем государе царевиче Петре Петровиче на российский напечатано в Москве».

Относительно этой книги из письма Я. В. Брюса от 2 ноября 1716 г. известно, что она переводилась в Петербурге. ⁵¹ Рукопись ЦГАДА, выявленная нами, позволяет, однако, уточнить оригинал перевода, поскольку в печатном заглавии сведения об этом, имеющиеся на черновом и беловом списках, отсутствуют. Поэтому в комментарии к библиографическому описанию указывалось: «Русский перевод сделан с какого-нибудь издания между 1711—1716 гг.». ⁵² Теперь же можно утверждать, что перевод выполнен по немецкому оригиналу, изданному в Лейпциге в 1711 г.

Итак, смело и интересно задуманный для своего времени план организации переводов научной литературы в Праге на русский язык остался без практических последствий. Но он не остался и не мог остаться безрезультатным в широкой исторической перспективе. «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно», — наказывал Петр I в 1715 г., и ту же мысль спустя несколько десятилетий будут отстаивать многие ведущие деятели чешского национального движения, подчеркивая необходимость укрепления чешско-русских связей.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 381, № 1010.

⁵⁰ Там же, № 1111.

⁵¹ Описание изданий гражданской печати. 1708—январь. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 259—260.

⁵² Там же, стр. 259.

ФЕДОР ПОЛИКАРПОВ — ПЕРЕВОДЧИК «ГЕОГРАФИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ» БЕРНАРДА ВАРЕНИЯ

С образованием централизованного русского государства связаны быстрый рост производительных сил, увеличение предметов товарообмена, позволившие России расширить экономические контакты со многими европейскими странами.¹ Растущие экономические связи вызвали у русских большой интерес к географической науке, обусловленный необходимостью лучше знать другие страны и глубже изучить свою. Географическая литература занимает первое место по количеству переводов, выполненных в течение XVII в.²

В петровскую пору торговые связи русского государства с другими державами стали еще шире. Состояние внешней и внутренней торговли, увеличение выпуска продуктов промышленного производства во многом зависели от знания и умелого использования природных богатств России. С целью их изучения в глубь страны отправлялись многочисленные экспедиции, занимавшиеся географическими, геодезическими исследованиями, разведкой полезных ископаемых.

Россия стала активной участницей европейской политики. Одной из главных правительственных задач петровской поры было поэтому превращение России в могущественную морскую державу, создание мощного военного флота, необходимого для укрепления международного положения страны. Дальнейшие успехи во внешней торговле зависели от развития торгового флота. Стремительными темпами стало развиваться кораблестроение; были открыты навигацкие школы, готовившие кадры для флота.

Для подготовки многочисленных кадров образованных людей, способных пойти навстречу требованиям времени и осуществить намеченные Петром I преобразования, требовалась научная литература по различным отраслям знания. В частности, для обучения будущих моряков и будущих участников научных экспедиций, отправляемых в малоизученные районы страны, были необходимы книги по общей географии, содержащие новейшие, подлинно научные сведения о Вселенной, об основных свойствах земного шара, о суше и водной поверхности, о климатических условиях и природных богатствах и обо всем другом, что входит в систему знаний о Земле.

Таким географическим сочинением, признанным впоследствии классическим, была на Западе «Geographia generalis» Бернарда Варения,³ написанная на латинском языке и вышедшая первым изданием в 1650 г. в Амстердаме. «География генеральная» Бернарда Варения сыграла исключительно важную роль в развитии западноевропейской географической науки не только

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153—154.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — Сб. ОРЯС, СПб., 1903, т. 74, стр. 46.

³ Скупые и несколько противоречивые сведения о Варении содержатся в таких работах: *Biographie Universelle*. Paris, 1854, v. 42, p. 626; П. Пикарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. II, стр. 432; А. Гумбольдт. *Космос*. М., 1866, стр. 71; журнал «Землеведение», 1926, т. 28, вып. 1—2, стр. 14; А. И. Андреев. Ньютон и русская география XVIII века. — Известия Всесоюзного географического общества, т. 75, вып. 3, 1943, стр. 6; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия. М.—Л., 1947, стр. 116; Биографический словарь деятелей естествознания и техники, т. 1, М., 1958; Г. Н. Гехтман. Выдающиеся географы и путешественники. Тбилиси, 1962, стр. 55; S. Günther. *Varenius. Klassiker der Naturwissenschaften*. Leipzig, 1905, IV Band, и в ряде других.

потому, что была первым систематическим курсом общей географии, но и потому, что главные географические положения обосновывались в ней законами точных наук. Уже вскоре после выхода она завоевала в Европе славу лучшего географического сочинения и в течение XVII—XVIII вв. издавалась многократно на латинском языке и в переводах на другие языки.⁴

Высоко ценили «Географию» Варения Исаак Ньютон,⁵ Александр Гумбольдт⁶ и другие выдающиеся ученые. Недаром в «Biographie Universelle» отмечено, что сочинение Варения — самое лучшее и самое ученое изложение географии, которое совершило настоящую революцию в этой науке и совершенно изменило ее задачи.⁷

Примечательно, что русские читатели получили книгу Варения в переводе на родной язык раньше, нежели читатели многих европейских стран. История появления первой общей географии в переводе на русский язык связана с именами Петра I и известного деятеля петровской эпохи Федора Поликарпова.

Открывая широкую дорогу просвещению, наукам, петровские реформы разрушали церковную культуру средневековья, требовали перестройки быта. Реформаторская деятельность Петра и его сподвижников встречала ожесточенное сопротивление консервативных кругов, поэтому «роль самого Петра в проведении реформ была очень велика».⁸ Петр сам руководил просвещением в России, заботился о распространении знаний, добытых западноевропейской наукой. Он принимал участие в редактировании и выпуске книг, сам отбирал книги для перевода, давал указания относительно языка переводов.

В 1715 г. Петр I распорядился перевести сочинение Варения. А. И. Андреев предполагает, что мысль о переводе «Географии» принадлежала Я. Брюсу, сподвижнику Петра, государственному деятелю и ученому.⁹ Однако вполне возможно, что Петр принял решение самостоятельно, поскольку мог быть осведомленным об этом известном труде от голландцев. В свое первое заграничное путешествие он познакомился с бургомистром Амстердама голландским ученым Николаем Витзеном, который побывал в России еще при Алексее Михайловиче и позднее выпустил ряд географических трудов о ней. Петр часто бывал в доме Витзена и пользовался его советами; при посредстве Витзена он познакомился с образованными людьми Голландии. По возвращении в Россию царь переписывался с Витзеном и находился с ним в близких отношениях до самой смерти ученого, последовавшей в 1717 г.¹⁰

Начальник Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, через которого передавались указания Петра о переводе и печатании книг, велел директору Московской типографии Федору Поликарпову отыскать экземпляр «Географии» Варения и перевести ее на русский язык. Предполагалось, что книга

⁴ Нам известны следующие издания на латинском языке: три амстердамских (1650, 1664, 1671), три кембриджских (1672, 1681, 1712), венское (1693), неапольское (1715); переводы на другие языки: на итальянский (1716), на английский (1733), на голландский (1750), на французский (1755). На русский язык «География» Варения была переведена дважды: в 1718 г. Ф. Поликарповым (с латинского языка) и в 1790 г. П. Б. Иноходцевым (с французского языка).

⁵ И. Ньютон был редактором кембриджских изданий 1672 и 1681 гг.

⁶ См.: А. Гумбольдт. Космос, стр. 59.

⁷ См.: Biographie Universelle, v. 42, p. 627.

⁸ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, стр. 10.

⁹ А. И. Андреев. Ньютон и русская география XVIII века, стр. 2.

¹⁰ См.: Я. Грот. Петр Великий как просветитель России. — Записки имп. Академии наук, т. XXI, СПб., 1872, стр. 70; О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. — Там же, стр. 7; В. В. Мавродин. Петр Первый. Л., 1948, стр. 444.

имеется у ректора Славяно-греко-латинской академии Феофилакта Лопатинского. «Милостивый мой государь граф Иван Алексеевич! — отвечает Федор Поликарпов Мусину-Пушкину 22 апреля 1715 г. — Книги математические Лопатинский у себя не сказал, а показал мне географию латинскую, в которой и кораблестроительная наука, а листов в ней больше 700. И такую надобно приводить многим и тех наук искусным. Однакож и я не отрицаюся».¹¹

Печатное издание сочинения Варения в переводе Ф. Поликарпова вышло под заглавием «География генеральная небесный и земноводный круги купно с их свойства и действия в трех книгах описующая. Преведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением царского пресветлаго величества лета господня 1718 в июне». «География генеральная» 1718 г. была напечатана гражданским шрифтом. По размеру это книга большого формата, in folio, в ней 647 нумерованных страниц. Заглавный лист украшен гравюрой на меди. На рисунке вверху помещен поясной портрет Петра I, внизу (по сторонам) — две символические женские фигуры: Астрономия и Геометрия с математическими инструментами в руках и у ног. Заглавие находится посредине гравюры в эллипсисе, обрамленном различными рисунками. После предисловия автора и переводчика и после оглавления помещена другая гравюра — копия фронтисписа амстердамского издания. На ней изображены море, кит, корабли вдали. На берегу три человека; вероятно, это Тихо де Браге, Птоломей и Коперник. Заголовок помещен вверху. Рисунки каждой из гравюр символизируют развитие наук. Перед текстом имеется подробное оглавление — каталог книги (глав). У каждой главы есть заглавие, у разделов — подзаголовки. Книга не только содержанием, но и внешним оформлением производит впечатление солидного научного труда.

Сохранилась рукопись перевода «Географии»,¹² выполненного в сентябре 1716 г. Она представляет собою искусно переплетенную книгу еще большего размера (32×17×17), нежели печатное издание, насчитывающую 920 листов; текст расположен и на лицевой стороне и на оборотной. В рукописи имеется указание на автора перевода: «Трудом Федора Поликарпова справщика типографии». После предисловия переводчика дано пояснение о том, что означает помещенный на полях рукописи знак :| с следующей за ним цифрой: «Нумеры мелкие, что писаны в поле с такими отметками :|, те значат число листов книги латинския, с которой преведено, ради скорого приискания для справки с преводом». По этим пометам мы установили, что Ф. Поликарпов перевел амстердамское издание 1664 г.¹³ Амстердамские эльзевировские издания 1650, 1664, 1671 гг. однотипны. Однако между первым и двумя другими есть разница в типографском наборе; вследствие этого имеется расхождение в расположении текста: в издании 1650 г. текст занимает 786 страниц, в изданиях 1664 г. и 1671 г. — по 748. Кроме того, есть различие в размещении таблиц. Расположение таблиц и ссыла на пагинацию дают основание утверждать, что переведена книга 1664 г. Именно это издание имеется в уцелевшей до наших дней библиотеке Ф. Лопатинского.¹⁴

Печатное издание 1718 г. и сохранившаяся рукопись 1716 г., архивные документы и ряд свидетельств о требованиях Петра I к переводам научной литературы, в частности к их языку, позволяют узнать об истории перевода «Географии» и о работе переводчика над языком перевода.

¹¹ Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1042

¹² БАН, Петровская галерея, № 72.

¹³ А. И. Андреев и М. С. Боднарский полагали, что перевод выполнен с ненского издания 1693 г. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич (Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, стр. 237) справедливо указывали, что для перевода Ф. Поликарповым было взято одно из амстердамских изданий. Постраничным сопоставлением рукописного текста перевода с текстом оригинала они не занимались, поэтому и не назвали, какое из амстердамских изданий переведено Ф. Поликарповым.

¹⁴ БАН, шифр 1А—1131А. География Варения — 376 Л.

Рукопись написана на хорошей бумаге аккуратным и крупным почерком нескольких переписчиков. «А писана она разметисто и не мелко не ради моего прельщения, но дабы читающим очесам угоднее и удобнее было ко чтению, паче же тем очесам, которые всю Россию, аки второе солнце, называют, освещают и питают своим милосердием, их же мелким письмом напрасно трудить не обычно и страшно»,¹⁵ — писал Ф. Поликарпов Мусину-Пушкину об отправленной в Петербург для прочтения царем рукописи.

В связи с трудом над «Географией» у Поликарпова возникли неприятные для него и не до конца ясные для нас осложнения; о них пишет он Мусину-Пушкину в марте 1717 г.: «Известно вам, что ваша высоких лиц гневная ... словеса иссушают многожды и высокая древесца. Аще же когда с милостию изрекутся, тогда и от неплодных малыя смоквиныцы много плод произвести могут. Хотел было и я грубый еще нечто новое немалое и во истину небывалое российскому народу в пользу произвесть чрез убогий труд мой, но видя себя ... страждущаго (яко же и за Географию льстецем и обманщиком именуема) и всегда в противных волнах обореваема от оболгания, наветов и поругания ласкателей, тунеядцев и притрапезников ... оставляю все, да не горшее что постражду».¹⁶

Ф. Поликарпов был весьма образованным для своего времени человеком и обладал большим опытом в переводческом деле. Тем не менее первоначальный его перевод «Географии» Петру не понравился. Об этом мы узнаем из дальнейшей переписки Мусина-Пушкина с Поликарповым. «При сем же посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо, — пишет 2 июня 1717 г. Мусин-Пушкин. — Того ради исправь хорошошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком ... Со всем усердием трудися, и высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова».¹⁷

Перевод «Географии» Варения предназначался для довольно широкого круга читателей, в первую очередь для обучающейся молодежи. Чтобы он был вполне понятен учащимся, необходимо было отступить от книжной традиции того времени. Поэтому Ф. Поликарпов (хотя он и был убежден в том, что солидный научный труд следовало бы «не общенародным диалектом российским переводити ... дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторов») ¹⁸ с самого начала пытался ввести в традиционно книжный, церковнославянский язык элементы живой речи. В предисловии к рукописи он указывает, что «снисходя немощи юновозрастных студентов науки сея (да не сокрыется сенс от их поятия) того ради употребих наречия и сочинения общенароднаго российского паче, неже славенскаго». Традиция использования церковнославянского языка была, однако, настолько сильна, что, несмотря на намерение переводчика, первоначальный перевод «Географии» Варения был выдержан в основном в обычном для допетровской поры книжном стиле и этим вызвал недовольство Петра.

Известны требования Петра к языку переводов,¹⁹ продиктованные ожиданием практической пользы от переводной литературы. Выполнять эти указания в период двуязычия, когда «разговаривали по-русски, а писали по-славянски»,²⁰ было нелегко, так как влияние церковной культуры средневековья

¹⁵ Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1053.

¹⁶ Там же, стр. 1052.

¹⁷ Там же, стр. 1054.

¹⁸ Предисловие к рукописи 1716 г. БАН, Петровская галерея, № 72.

¹⁹ См.: Русский архив, 1868, №№ 7—9, стр. 1055; А. А. Бахтияров. История книги на Руси. СПб., 1890, стр. 110; А. Н. Пыпин. Книжная деятельность времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1898, № 7, стр. 269.

²⁰ См.: Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 47 и 113.

оставалось значительным и церковнославянский язык все еще сохранял ореол языка «правильного», «грамматического».²¹ А между тем русский разговорный язык XVII—XVIII вв. был уже достаточно развитым для того, чтобы использовать его лексику и грамматику при написании книг. (Способность его прийти на смену церковнославянскому была отмечена уже в конце XVII в. Г. В. Лудольфом в «Русской грамматике»). Просветительские задачи петровского времени требовали перестройки книжного стиля, сближения его с живым разговорным языком.

После указания Петра I Ф. Поликарпов приступил к переработке перевода. Коррективы, внесенные Ф. Поликарповым при исправлении рукописи, позволяют нам обнаружить замены традиционно книжных, устаревших слов и форм народно-разговорными.²² Приводим ряд примеров.

Рукопись 1716 г.

Римляне обычай *имѣяху побѣдивше* и подъ иго *поработивше* которую провинцию, оныя хорографию на таблицѣ изображенную ... *являти* въ день торжественнаго входа зрящимъ (л. 9).

Ибо вѣмъ яко онъ никого *прелстити* ниже когда *прелщенъ* бысть (л. 27).

Ксерксъ же грядущъ чрезъ оную гору въ Граи прекопа ю... (л. 125).

Печатное издание 1718 г.

Римляне обычай *имѣли, побѣдив* и подъ иго *поработивъ* которую провинцию, оныя хорографию на таблицѣ изображенную ... *являть* въ день торжественнаго входа зрящимъ (стр. 6).

Понеже вѣдаемъ, что онъ никого *обманулъ* ниже когда *обманутъ* былъ (стр. 20).

Ксерксъ же идущъ чрезъ оную гору въ Граи прекопа оную (стр. 87).

Как показывает сопоставление всего текста рукописи 1716 г. с текстом печатного издания 1718 г., большинство сделанных переводчиком исправлений касается грамматических форм. Для передачи значений латинских прошедших времен Ф. Поликарпов использовал в рукописи аорист и имперфект — формы, уже вышедшие из живого употребления (их нет в «Русской грамматике» Лудольфа, отражавшей разговорный язык конца XVII в.). Корректируя рукопись, переводчик заменил ряд устаревших глагольных форм формами живой речи, например: *блше* — *была*, *восприяша* — *восприяли*, *не вѣдахъ* — *не вѣдали*.

Наблюдается также замена архаичных местоимений, наречий, союзов: *имѣ же* — *которымъ*, *кояждо* — *всякой*, *ю* — *оную*, *аще* — *хотя* и др.

Весьма интересны и показательны замены одних существительных другими, свидетельствующие о различиях в книжной лексике и в лексике делового и разговорного языка. Укажем на некоторые из них.

Во многих случаях наблюдается замена книжных слов на *-ие* их параллелями из разговорного языка:

В рукописи

Доводы и изъявления и *примѣчания* Галилеа и Схейнера о порокахъ солнечныхъ доводить... (л. 69).

В печатном издании

Доводы и изъявления и *примѣты* Галилеа и Схейнера о макуляхъ (или пятнахъ) солнечныхъ доводить... (стр. 50).

²¹ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 116.

²² Следует отметить, что эти первые шаги для переводчика были трудными как из-за необычности введения слов живой речи в книгу высокого жанра, так и из-за того, что Мусин-Пушкин велел исправить и отпечатать «Географию» как можно скорее — к возвращению Петра из-за границы. См.: Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1057.

Послѣ времяъ оныхъ егда въ Греции учения по малу увядати начали... (л. 39).

Аще подземное источника будетъ протяжение... (л. 318).

Послѣ времяъ оныхъ егда въ Греции науки по малу увядати начали... (стр. 28).

Аще подземный будетъ проходъ источника... (стр. 186).

Многочисленные подразделения глав книги были обозначены в рукописи словом *предложение*; в печатном издании они названы *предлогами*. При исправлении рукописи слово *излияние* было заменено словом *разлив*, *изображение* — *вид*, *пришествие* — *приход* и т. п.

Имеющиеся словарные материалы подтверждают употребительность в деловой и разговорной речи допетровской и петровской поры именно тех лексических параллелей, которые были введены переводчиком при корректировании рукописи. Так, слово *обычай* имеется и в «Рукописном лексиконе» первой половины XVIII в. (составлен В. Н. Татищевым), содержащем в основном лексикону живого языка того времени,²³ и в «Русской грамматике» Лудольфа (конец XVII в.), и в «Материалах» И. И. Срезневского. И. И. Срезневский указывает шесть значений слова *обычай*; иллюстрации подтверждают его употребительность в народно-разговорном языке. Например: «И то ты чинишь с Литовского обычая... 1499 г.»²⁴ В «Русской грамматике» Г. Лудольфа (разговор хозяина и слуги): «То их убьечей, что лутче ты плагишь то хуже служат».²⁵

Слово *пришествие* в «Рукописном лексиконе» В. Н. Татищева дано с пометой «славянское»; в этом же словаре есть русское соответствие *приход*. Слово *наука* имеется в «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа, составленной на материале живой речи.

В начале XVIII столетия для живого употребления были, по-видимому, более характерны формы на *-ость*, нежели на *-ство*.²⁶ Можно утверждать, что именно поэтому Ф. Поликарпов заменяет многократно употребленное в рукописи слово *величество* его однокоренной параллелью *великость*:

В рукописи

О размѣрѣ земномъ и величествѣ.

В печатном издании

О размѣрѣ земноводнаго круга и великости.

Такая же замена наблюдается и в других случаях.

Корректируя высокий церковнославянский слог с целью сближения его со слогом общенародной речи, Ф. Поликарпов не проводит этого последовательно. Поэтому язык исправленного перевода все же ближе к церковнославянскому, нежели к живому, разговорному. Печатный текст изобилует и традиционно книжными, устаревшими грамматическими формами, и теми лексическими вариантами, которые имели характерные признаки церковнославянских низмов (*блато*, *брег*, *вода сланая*, *сребро*, *злато*, *древо*, *езеро*, *есень* и мн. др.).

²³ Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1964. Имеющиеся в этом словаре немногочисленные церковнославянские слова снабжены пометой «славянское».

²⁴ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского. СПб., 1893—1903, т. II, стр. 574.

²⁵ Г. В. Лудольф. Русская грамматика, стр. 56.

²⁶ Вопрос об использовании однокоренных параллелей на *-ость*, *-ство* и *-ость*, *-ие* рассмотрен И. М. Мальцевой в статье «Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в.» (в кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 259—284). Наше предположение вполне совпадает с наблюдениями автора статьи.

Несмотря на то что перевод «Географии» 1718 г. в целом является славянизированным как в отношении лексики, так и в отношении грамматики, отмеченные попытки сближения архаичного, книжного языка с живым, народно-разговорным были важным шагом переводчика, способствовавшим дальнейшему развитию русского литературного языка на национальной основе.

В петровскую пору перевод специальной литературы был сопряжен с «почти непреодолимыми трудностями»²⁷ из-за малочисленности в русском языке научной лексики; задача же перевести языком, близким к народно-разговорному, была необычной и исключительно сложной, так как произведений подобного жанра было еще очень мало.

Сопоставление рукописного и печатного текстов перевода «Географии» позволяет проследить поиски переводчиком наилучших средств выражения значений терминов оригинала. В действиях Ф. Поликарпова обнаруживаются две противоположные тенденции: 1) избегать латинских заимствований, приспособляя имеющиеся в русском языке слова для выражения терминологического значения; 2) употреблять слова латинского оригинала для точного обозначения научного понятия. Обе эти тенденции были обусловлены задачами перевода, состоянием национального русского литературного языка на начальном этапе его развития и состоянием научной терминологической системы физической географии.²⁸ Задачи перевода книги, предназначенной для широкого читателя, обязывали Ф. Поликарпова перевести каждый термин с латинского языка, языка средневековой науки, на русский язык. При отыскании семантических эквивалентов обозначениям оригинала переводчик обращался ко всем ресурсам родного языка: к стилистически нейтральной лексике (*море, остров, гора* и др.); к традиционному книжной (*недро* в значении 'залив', *море, пучина* — *море* и др.); к народно-разговорной и областной (*материк* употреблено в значении 'континент'; *горло* — 'пролив'). Смысловых параллелей, необходимых для передачи терминов оригинала, оказывалось все же недостаточно. Например, в русском языке того времени еще не было слов для точного выражения терминологических значений 'полуостров', 'перешеек'. Вследствие этого переводчик был вынужден оставлять слова оригинала (в транслитерации), давая следом за ними пояснения: *пенинсула, остров не окруженный водою* — в значении 'полуостров'; *истмус, место между морь* — в значении 'перешеек', и др.

К терминам практической географии Ф. Поликарпов относился с большой осторожностью, вероятно, не столько из соображений стиля, сколько из-за их полисемантичности: многие из слов, используемых мореплавателями и землепроходцами, имели довольно широкую семантику. Так, слово *пролива*, употреблявшееся в значении 'морской пролив' еще в допетровскую пору,²⁹ в начале XVIII в. выступало обозначением рукава реки, речного протока и даже залива. Ф. Поликарпов представляется более терминологичным обозначением латинизм *фрет* 'морской пролив'.

Перевод «Географии» Варения вызывал большие затруднения не только из-за несформированности к началу XVIII в. терминологической системы русской географической науки: трудности были связаны также с неупорядоченностью терминологии латинского оригинала. Например, в значении 'морской пролив' Варений использовал синонимы *fretum, euripus, fauces oceani*,

²⁷ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 50.

²⁸ Богатый материал и весьма интересные выводы о состоянии и развитии научной терминологии физической географии в первой трети XVIII в. содержатся в монографическом исследовании Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки» (М.—Л., 1964).

²⁹ Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка второй половины XVII в. (по материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). Докт. дисс. Л., 1961, стр. 334.

canalis; Ф. Поликарпов передал их так: *фрет, протока, челюсти океана, канал.*

В русском переводе синонимические ряды, соответствующие синонимическим рядам латинского оригинала, увеличивались вследствие заимствования переводчиком терминов оригинала (*континент* 'материк'; *синус* 'залив'; *фрет* 'пролив' и др.), калькирования (*около-островие*, лат. *peninsula* 'полуостров'; *наличие*, лат. *superficia* 'поверхность' и др.), использования разъяснений к малопонятым заимствованным словам и калькам (*пенинсула, остров не окруженный водою* 'полуостров'; *истмус, место между морь* 'перешеек').

Например, терминологический ряд со значением 'материк' в латинском оригинале представлен компонентами: *continens, terra firma, insula maxima*; в переводе Ф. Поликарпова им соответствуют: *континент, материк, земля твердая, земля крепкая, содержалище, толща (земная), превеликий остров.*

Многие терминологические обозначения оригинала переведены словами, близкими к этимологическому, но не терминологическому значению латинского слова; так, лат. *fauces oceani*, употребленное в значении 'пролив', переведено *челюсти океана*, *continens magna* 'континент' переведено как *содержалище великое.*

Использование Ф. Поликарповым иноязычных слов, создание калек, буквальных переводов придает языку «Географии» 1718 г. оттенок книжности, латинизированности.

Славянизированность и латинизированность слога «Географии» 1718 г. и одновременно с этим наличие в ней элементов живой народной речи являются теми стилистическими противоречиями, которые отразили столкновение старых книжных традиций с рождавшимися новыми. «География генеральная» Бернарда Варения, переведенная Ф. Поликарповым, входит в число тех переводов научной литературы, которые сыграли большую роль в развитии национального русского литературного языка и в формировании терминологии русской науки. Велика заслуга переводчика, который сумел перевести солидный научный труд и переводил его «не на самый славенский высокий диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданскаго посредственнаго употребляя наречия».⁸⁰

С. Р. ДОЛГОВА и Е. П. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ НА СМЕРТЬ ПЕТРА I

Библиотека Центрального государственного архива древних актов — одна из старейших в нашей стране, она ведет свое начало со второй половины XVII в. — времени образования книгохранилища Посольского приказа, где собирались рукописи для хранения, а также для практических целей.

Первым официальным документом об учреждении архивной библиотеки является именной указ Петра I Посольскому приказу, сохранившийся в архивном деле под названием «Доклад о святых мощах и о книгах на разных языках, хранящихся в Посольском приказе с описью иноязычных книг». Появление настоящего документа — перечня книг и рукописей Посольского приказа — было вызвано попыткой патриарха Адриана отобрать у Посольского приказа все книги и передать в царскую книгохранительную палату на Печатный двор.

Известно, что решение царское последовало 29 июля 1696 г., и решение совершенно противоположное тому, о чем просил патриарх Адриан. 7204 г.

⁸⁰ Из предисловия переводчика к печатному изданию «Географии генеральной» Бернарда Варения (1718).